

ПЕРИПЕТИИ ИСТИНЫ

«Мы проводим эксперимент над истиной!
Возможно, человечество от этого погибнет! В
добрый час!»¹.

Ф. Ницше [16, S. 286]

У статті встановлюється взаємозв'язок різних сенсів слова «істина» зі структурними перебудовами, що відбуваються в її змісті, де поєднуються три елементи: річ, адекватність і слово. Перипетії цих перестановок підводять дослідження до необхідності вказати на «істину застосування», «істину пропозиції» і «істину перевірки» як основні обрії розвитку істини як такої.

Ключові слова: адекватність, буття, інтелект, істина, мислення, річ.

In the article the connection is determined between the word “truth” and the structural transpositions in its content where the three elements are combined: thing, adequacy and word. The difficulties of these transpositions cause the need for the study to single out “the truth of application”, “the truth of proposition” and “the truth of verification” as the main prospects of the development of truth proper.

Key words: adequacy, being, intellect, thing, thinking, truth.

Все в мире имеет ценность. Даже бесценное, в смысле драгоценного как бриллиант или ничтожного как грязь, тоже со временем приобретает определенную стоимость. Ценник становится какбы пропуском для хождения по миру. Незамеченным и неоцененным сущее может только войти в него, но уйти таковым ему ни за что не удастся. Со временем все либо дорожает, либо идет за бесценок на распродаже приснопамятного (правда, тогда по миру идут авансированные ему надежды и ценности).

И все же бесценней всего то, с помощью чего измеряют всякую ценность. Для указания на эту меру человек использует одно суперценное слово – «истина». Кажется, что данное обозначение существует лишь для умозрительной теории. Тем не менее на заре человеческой речи оно использовалось во всем спектре бытия – от потребностей права и религии до нужд жизни и экономики. «Встарь истина означала также наличность, наличные деньги, ныне истиник м. капитал» [3].

Скандалный «Закат Европы» Шпенглера указал только на «надводную» часть айсберга под названием «Запад». Возникновение, расцвет и, уж тем более, констатируемая в нем гибель (Untergang) этого феномена неразрывно связаны с вопросом «Что есть истина?». Особенность же этого вопроса такова, что, будучи

¹ В другой редакции эта, основополагающая для современного умонастроения, мысль Ницше звучит так: «Мы поставили на карту истину... Может быть человечество погибнет в этой игре. Что ж, пускай!» (цит. по [14, с. 149-150]).

заданным, он рикошетом ставит под вопрос самого вопрошающего. Перипетии² в судьбе такого *contra* опроса – предмет понимания данной работы. Целью же ее является обнаружение противоречий, наталкиваясь на которые, движение вопроса об истине отклоняется от изначально заданного направления. Установление природы этих зигзагов поможет понять закономерности развития истины как таковой. Ради подобных усилий, может быть, и разворачивался опыт как сознания, так и самосознания истины – история Запада и западноевропейская философия.

Высоко, в самом центре небесного казначейства, свободно и гордо живет истина. Из этой обители все просматривается и прослушивается до самого основания, и главное, из нее все становится понятным. Но даже здесь, в аристократической избранности, истина не одинока. Ее окружают равнозначные титулы. *Действительность, правильность и правда* – ее сестры; их стоимость в точности такая же. Тем не менее, вопреки указанному тождеству, наша речь явственно выражает, а мысль чутко отзывается на их различия. Например, говорят:

– «музыка, – и оценивают, – *подлинное* (действительное) чудо!»;

– «светофор радуется кисло, – и оценивают, – так говорить нельзя, данное словосочетание *неверно!*»;

– «музыка – подлинное чудо, а светофор же не может радоваться! – И оценивают, – эта мысль: истинная *правда!*».

Все эти высказывания устанавливают одно и то же – стоимость предмета, но по-разному. Причем, не с различных *высот*, а, скорее, *углов* одной и той же высоты истины. Первое говорит о совпадении в объективности, второе исправляет абсурдность речи согласно субъективным (лингвистическим) правилам, третье соединяет в себе оба требования.

Действительность, правильность и правда, в свою очередь, имеют в своем содержании различные смыслы, участие которых придает истине различные оттенки:

– действительность бывает то подлинной, то настоящей;

– правильность – то верной, то точной;

– правда – то аутентичной, то правой.

Находясь на перекрестии этих ценностных векторов, истина окружена упомянутыми абсолютами. Для всюду спешащей повседневности данные слова указывают на что-то одно и свидетельствуют об одном и том же. Тончайшие дистинкции обнаруживаются лишь по мере обособления истины от своего негативного двойника. Как тень, сопровождает ее «родная» альтернатива – неистина. И если истина есть бытие, то неистина есть ее собственное небытие, ничто. Из этой «тени» произрастают фальшь, подделка, обман, подлог, измена, неправда, клевета и зло.

Пары, образуемые из сочетаний истины и неистины, имеют одну оригинальную особенность. В отличие от всех других противоположностей они – самодостаточные. Даже связка «живое – мертвое», при всех претензиях на всеобщность, имеет все же

² Греч. *περίπτεσις*. Внезапные осложняющие события, обстоятельства, неожиданные повороты, перемены в чьей-л. жизни, судьбе и т.п. [9, с. 109].

ограничения. *Есть* вещи, намного превышающие жизнь и смерть, но нет предмета, который смог бы уклониться от оценки «истина – ложь». Что стоит, например, лишь одна рубрика в современной гастроэнтерологии, носящая название «Истинная пищевая аллергия»; здесь о патологии организма (то есть – его неистине) определяют, в каком именно смысле *даже* она может быть истинной.

Отсюда за гарантию безошибочности применения этих пар всякий отдаст самое дорогое и поступит правильно; приобретение будет во сто крат дороже. «Ей и ни [1, Матф. 5, 37] – два слога, однако же, в сих кратких речениях нередко заключаются лучшее из благ – истина, и крайний предел лукавства – ложь» [2, с. 231].

Отправной точкой для крупнейших направлений философии XX века стал факт многообразия сторон знаменитого вопроса об истине. Хайдеггер и Витгенштейн – два самых значительных мыслителя XX века – отталкивались от классической формулировки истины как соответствия мышления и бытия. Только одного заинтересовала ее развитие в онтологию, другого – в лингвистику. Но остается открытым вопрос, как взаимодействуют два крайних смысла истины, истина как действительность и истина как правильность, с «серединой» – истиной как правдой? И если эта система находится в движении, то нужно организовать в ее понимании соответствующим образом.

Впервые истина появилась под именем Правды³. Еще у Цицерона *veritas* означает «то настоящее положение разбираемого (в суде) дела, в противоположность ложному его освещению одной из сторон» [цит. по 10, с. 20]. Обусловленное данным происхождением, применение истины должно было бы ограничиться юриспруденцией или хотя бы непосредственностью социальных отношений. Но случилось иначе. Трансформируясь по ходу вяло-бурно текущей истории, она приобрела еще и другие, по-видимому, автономные, оттенки:

- теократический, как у евреев (эмет – верное слово Божие);
- онтологический, как у славян (Истина = Естина, «живущее», «дышащее»);
- гносеологический, как у греков (алетейя – назабвенное) [10, с. 22].

Наконец, истина выступила как согласованность вещи и ума, бытия и мышления. Каждое из этих трех слов: «вещь», «согласованность» и «ум», – уникально. Сочетаясь, они образуют знаменитое положение «*veritas est adaequatio rei et intellectus*» [12, с. 217], ставшее классическим.

Запад всегда был горд тем, что у него со-знание истины изначально сопровождалось *само*-сознанием. Больше всего его интересовала не столько истина того или иного сущего, сколько – **истина самой истины**. Это стремление вполне оправданно. Без прояснения «вообще» в любой сфере и речи быть не может о прояснении «в частности». Но философия, призванная осуществить данную миссию, с самого начала столкнулась с трудностями методологического порядка. Отрицательная рефлексия элеатов и софистов, интеллектуально дрейфующих в этом регионе, со временем только усилилась. Обнаружилось, что есть серьезные причины для ограничения философских опытов. Оказалось, что определение истины имеет

³ Египетская богиня Маат, позже еврейское «Эмет», еще позже христианское – «Аминь» [9. 21-22, 69], см. так же [8. 53-55].

чрезвычайно громоздкую конструкцию, которая при малейшем движении трещит по всем швам. Не случайно поэтому на вызов классической верификации самые разнородные направления философии XX века ответили проектом «преодоления метафизики», который, фактически, явился программой деструкции вопроса об основании истины. Возникло ощущение, что теперь-то самый больной вопрос истории вопрос, находящийся в фарватере данного преодоления, будет наконец упразднен раз и навсегда.

И здесь опять, в который раз уже в истории Запада, нападающий вынужден признать, что острие собственного копья, которым он собирался сразить неприятеля, направлено на него самого. Более пристальное выяснение сути дела показало, что *сама* установка на уничтожение метафизики покоится все на том же метафизическом фундаменте. То есть вопросы о существовании, или, наоборот, несуществовании истины все равно находятся в исключительной компетенции истины как таковой.

Не в качестве вывода сложнейших умозаключений, а, скорее, вследствие совершенно прозаических нужд повседневности (ведь будни требуют каждый день обновления «ярлыков» цен на вещах), обыденный рассудок все это и *так* знает. Он это знает и действует, а действуя, продолжает безответственно «сорить» указанным определением истины. Только тогда, когда у него что-то не сходится в реализации теоретических или практических задач; только тогда, когда разноголосица религиозных и идеологических ценностей начинает угрожать существованию рода человеческого, – лишь тогда он начинает чувствовать нужду в самосознании истины – в философии.

Но можно ли в одной части решить *такого* ранга вопрос? Полнота (всеобщность) составляет суть понятия «истина». Уже отсюда невозможна фрагментарность ее сознания, и уж тем более – самосознания. Однажды ввязавшись в истину, Запад проникся обреченностью ею. Она стала его отрадой, и она же стала его судьбой. Что же такого «странного» содержится в дефиниции истины?

Возьмем «вещь» (*res*). Европейские языки, где кристаллизовалась данное определение, закрепили за этим словом смысл «реального» (*realitas*). Но что такое реальное? В первоначальном значении «словом *res* у римлян именуется то, что тем или другим образом задевает человека» [13, с. 322]. Отсюда, например, следует, что «*res publica* означает не «государство», а то, что заведомо касается каждого в народе, «захватывает» его и потому становится делом общественного обсуждения» [там же, с. 322].

Средневековье прибавляет к *res* еще значение не только захватывающего, но и установленного, и даже представленного. Так вещь сливается с *ens qua ens* – всем тем, что так или иначе существует: от соломинки до Бога. Позже вещью назовут *все* то, что имеет предикат протяжения, а еще позже – бытия. Наконец, за ней закрепится смысл сущего, *противостоящего* всякому обозначению. Она – десигнат, по поводу которого образовалось само слово. И хотя в современном словоупотреблении разрешается сказать относительно духовных сущностей: выступления, мысли, театральной постановки и т.д. «Это – вещь!» в смысле похвалы, исходный смысл «увлекающего за собой *бытия*» она все равно неустанно берегает.

Но тогда, следует признать, в указанном, первоначальном значении слова, наша установка «взять вещь» бьет мимо цели. Вещь взять, захватить или присвоить нельзя; она сама «берет и захватывает». Только что или, вернее, кого именно захватывает?

Определение истины прямо указывает на это (*zo*). Intellectus – ум, познание, представление, мышление и есть то, в чем нуждается вещь. Призвание мышления – быть захваченным. Правда, сказать про это (мышление) «*есть*» – значит, ничего не сказать. Ум «*есть*» совсем в другом смысле, чем вещь. Слово «intellectus» при проговаривании ведет к своей интимнейшей оболочке – самому слову, несуществующему, в смысле невещественности, знаку вещи. В самом широком охвате под словом самого слова имеется в виду *идеальность* реального (вещи). «Интеллектуальный *лат.* духовный, умственный, разумный, *противоположность* *вещественный*, плотский, телесный, чувственный», – говорит В. Даль, подчеркивая какое-то важное онтологическое противопоставление [4].

Таким образом, под обозначением «intellectus» следует понимать то, что составляет деятельность мысли в противоположность деятельности бытия, все «от фонемы до графемы», всякий знак, устный – от «песчинки до ангела», или письменный – от стенографии до спектрографии, любая про-грамма⁴.

Внешне не очень эмоционально звучит утверждение о том, что мы способны иметь *только* «две идеи: одну – сотворенной мыслящей субстанции, другую – субстанции телесной» [4, с. 335]. Тем не менее, за этой констатацией скрывается событие всемирно-исторического масштаба. В нем западноевропейская мысль с внутренним, тщательно скрываемым сожалением указывает на пропасть, которая разверзлась перед ней. Для наведения мостов через этот разлом человечеству, вероятно, понадобится не меньшая работа, чем для его создания. И она обязательно будет совершена, так как ощущение долженствования согласия между мышлением и бытием никогда не покидало мыслящее существо. Именно это чувство и побуждает вступить в действие третьего по счету фигуранта – «согласие» («соответствие»), на которого ложится вся тяжесть возникшей проблемы.

Равнозначное первым двум словам (ум и вещь) значение имеет термин *adaequatio* (адекватность). Его переводят как «согласованность, приравнение, совпадение, соответствие, сходство, тождество». Основная задача *adaequatio* – дать возможность сосуществовать вещи и слову, десигнату и знаку, бытию и мышлению. Его призвание – предоставить истине право выступить. Кроме того, именно адекватность через частицу «не» (неадекватность, несогласованность и т.д.) определяет «теневую» сторону истины – неистину.

Когда не крайности интеллекта и вещи, а *другие* противоположности вступают в отношение, результат говорит сам за себя. *Adaequatio* между плюсом и минусом создает электрический разряд. Согласование между временем и пространством порождает движение, между самосохранением и самоуничтожением – жизнь. Интрига драмы, которая разворачивается в определении истины, заключается в том, что ум и вещь – *единственные* противоположности в мире, каждую из которых можно и нужно мыслить, не прибегая к другой. При таком взаимном равнодушии, тем

⁴ греч. пред-писание

не менее, *adaequatio* между словом и вещью должна состояться! Бытие и мышление должны совпасть! *Истина* (*veritas*) должна иметь место! Как такое возможно? Откуда проистекает это долженствование?

В рассматриваемой дефиниции истины каждый узел, образуемый сочетанием этих трех элементов – *intellectus*, *res* и *adaequatio*, до предела обостряет саму *форму* отношения. Именно поэтому данным определением были поглощены все остальные смыслы истины. Образовался горизонт, где ее основные участники выровнялись в одну линию: «ум» (**intellectus**) – «согласование» (**adaequatio**) – «вещь» (**res**). Здесь каждая связка (края: «ум – вещь», центр: «ум – согласие» и согласие – вещь), обогатившись историческим содержанием, сосредоточила в себе юридический, теократический, онтологический и гносеологический смыслы одновременно.

Истина есть как бы просвет в бытии. Она – программа для прочитывания любого предмета, попадающего в поле постигающего понимания. Она – связующее звено между миром идей и миром вещей. С желанной целью достижения истины каждое мгновение тысячи людей на Земле высказываются относительно волнующих их проблем. Она позволяет присутствовать всему окружающему ее, и, наоборот, сама присутствует как титулованная особа. Отсюда доступен и прозрачен смысл выражения «истина дороже всего». Изъятие этого титула из обращения немедленно повергнет в хаос мир и человеческую речь. Так, что же *она* есть такое?

«Под этим возвышенным и в то же время стертым и тупым словом «истина» имеется в виду то, что делает истинное истинным» [14, с. 10], – говорит современный источник. Говоря *так*, он сознательно тревожит до времени дремлющую толщу встречаемых вопросов. И тогда, уже ожидаемая, лавина проблем устремляется к своему прояснению: что *именно* есть *то*, что делает истинное истинным? можно ли «это» вообще именовать? будет ли истинным само это именование?..

Вполне естественно возникает опасение: не попадаем ли мы, запрашивая сущность истины, в порочный круг доказательства – объяснение одного через то же самое (*idem per idem*)? Кант, например, не скрывает, что он против самой постановки вопроса об истине. Основатель трансцендентальной философии саркастически предупреждает, что «умение ставить разумные вопросы есть уже важный и необходимый признак ума или проницательности. Если вопрос сам по себе бессмыслен и требует бесполезных ответов, то кроме стыда для вопрошающего он имеет иногда еще тот недостаток, что побуждает неосмотрительного слушателя к нелепым ответам и создает смешное зрелище: один (по выражению древних) доит козла, а другой держит под ним решето» [5, с. 335].

Выходит, что обо всем человек может спрашивать, только не об истине; во все он смеет любознательно проникать, только не в существо самой сущности. Но кто дал право табуировать этот предмет? «Все пути Господни – милость и истина» [1. Пс. 24, 10], – указывает древняя книга. Что же тогда путь человека – блуждание вслепую? Почему? «Потому, – отвечает трансцендентальная философия, – что наше познание несовершенно». Но разве *сам* этот «ответ» находится *вне* горизонта истины? Кто предоставил этой осторожности априори презумпцию невинности?

В реальности существует и уверенно разворачивается *непосредственный* опыт предложения, применения и проверки истины. Гордиев узел «за» и «против» вопросов о ней этот опыт не распутывает, а по-македонски разрубает. И если что-то продолжает его тревожить, так это неоднозначность высказывания об истине. Дело в том, что все приведенные выше значения *adaequatio* говорят о совпадении, согласии и т.д. То есть в ее основании все же находится какое-то *единство*. Но вот этого-то единства в указанном опыте и не обнаруживается. Всякий раз одно утверждение порождает диаметрально противоположное, причем, другое имеет *такую же* основательность, как и первое. Начиная с апломба абсолютной серьезности и основательности, обыденный рассудок обязательно заканчивает плохо скрываемой софистикой. Его кружит ритм различных оттенков истины, невольно забрасывая его за ее границы – в пределы противоположности. В итоге ему некуда деваться, кроме как возвыситься из горизонтов сознания истины в мир горизонтов ее самосознания – философии.

Вот пример трех высказываний, свидетельствующих, с одной стороны, об истине, с другой – о неистине:

согласованность	несогласованность
1. Петр – настоящий человек	1. Это золото – фальшивое
2. Верно, что Петр и человек относятся как частное к общему	2. Синтаксически неверно сказать: «Цезарь есть и» [6]
3. Это – правда, Петр – настоящий человек	3. Выражение «Цезарь открыл Америку» не соответствует действительности (оно – не аутентично)

В каждом из них содержатся одни и те же опорные точки из одного и того же источника – классического определения истины. Тем не менее, ими создается *различная* смысловая тональность и разворачиваются ее разные горизонты.

В первом, «Петр – настоящий человек», истина строго ориентирована на вещи, на объективность. Здесь под прицелом находится *действительность* вещи, ее *подлинность* и *настоящность*. На лицо – горизонт «соответствие – слово (ум) – вещь»; в нем слово есть лишь посредник в отношении одной вещи (данной) к другой (образцу). Альтернативой действительности здесь выступает *видимость*. Эта неистина полагает себя в крайностях *фальшивки* и *подделки*.

Во втором, «верно, что Петр и человек относятся как частное к общему», истина направлена на слова, связанные высказыванием. Это субъективно ориентированная истина, ее интересует *правильность* предложения. Ее создает горизонт «соответствие – вещь – слово». Здесь, в отличие от первой истины, вещи являются посредниками во взаимодействии слов предложения. Правильность ориентирована на *верность* и *точность*. Противоположности *неправильного*, *неверного* и *неточного* сопровождают эту истину.

Наконец, в третьем высказывании: «Это – правда, Петр – настоящий человек», истина более всего приближается к классической формулировке, в которой

сочетаются крайние противоположности: мышление и бытие. Данная истина называется *правда*. Ее образует горизонт «вещь – соответствие – слово». *Аутентичность* и *правота* – ее неотъемлемые атрибуты. Ложь, разность и неправота, – обратные стороны истины как правды.

Указанные три разновидности истины находятся в постоянном движении, причем каждая в итоге почему-то разворачивается *против* себя самой. Присмотримся к этим перипетиям и последуем за ними.

Перипетия первая. Применение. Исходное использование *veritas* – это истина как действительность – всамделишное, притоманное, присное бытие. Здесь ее применяют, какбы заранее имея и зная, что она такое.

Действительность есть то же самое, что и подлинность⁵ в смысле настоящности. Однако ее следует отличать от повседневной реальности. Например, вопрос: «Это – действительно бриллиант?», – как бы рассекает монолит этой реальность на две неравноценные части: на настоящую⁶ и ту, которая подлежит оценке. Почти равнозначно спросить «Это подлинный, настоящий или чистый бриллиант?».

Подобным вопрошанием все существующее властно разделяется на две противоположности: одну, в которой хранятся образцы соответствия «на все сто», и другую – как бы ущербную в себе. Справедливости ради, заметим, что подобными вопросами не только разводятся по разные стороны, но и одновременно соотносятся эти половинки. Процедура данного согласования проста, и обязательства его необременительны. Нужно только, чтобы при взаимодействии вещи и ее образца с ними *ничего* не произошло; всякие изменения недопустимы. Здесь одно удостоверяется на подлинность («аутентичность») путем подведения под другое (образец), которое «подводящий» хранит в себе⁷ и о котором он может сказать: «Это – всегда *при* мне». В силу этой простоты, назовем данную истину «применением».

Противостоит подлинному и действительному подделка и фальшивка. Не повезло той вещи, чье бытие не совпало с образцом (причем, не повезло ни по чьей вине, а само собой). Конечно, содержание высказывания, например, «это – фальшивое золото» и высказывания «это – ненастоящий президент» различаются. Первое, золото, при проверке может оказаться медью или оловом. То есть, вполне вероятно, что его сначала неправильно определили. Второе, может иметь другой смысл: например, когда очень похожего на действующего президента человека спутали с ним. В этом случае не вещь, т.е. предмет высказывания, а *слова* не совпали с действительностью. О подобной истине речь пойдет ниже. Здесь же, в высказывании «это – ненастоящий президент», имеется в виду то, что *реально* действующий президент, как сущее, по каким то причинам не совпал с *должным*. Он – лицо, которому оказана честь быть главой государства, не соответствует *понятию* «президент»; допустим, что он вместо

⁵ «Подлинная правда, истинная, во время пыток, этому дан иной смысл: Не скажешь подлинной или подлинной, так скажешь подноготную, будто бы от пытки под дланниками и пытки подноготной. Не от этого ли и самое слово подлинный?» [4].

⁶ В русском языке таковым выступало традиционно число «сто». Ср. до-сто-верность, сто-лица, иконо-стас достоинство и т.д.

⁷ Позже выяснится, что подлинным «хранилищем» этих образцов является народный язык, или, как говорит Ж.-Ф. Лиотар «язык великих рассказов» [7].

того, чтобы следовать интересам своей державы, занимается обеспечением благ своей партии, семьи, религии и т.д.

Но остается открытым вопрос: какова истина идеалов, под которые как под универсальное клише подводятся вещи? И он вполне правомочен, ведь эти идеалы в свою очередь должны попасть под «обстрел» вопросов об истинности. Другими словами, раз здесь, как и в сфере права, речь идет о формальном подведении частного (явления) под общее (закон), вещи под идеал, то, естественно, возникает вопрос о *легитимации*. «Легитимация – это процесс, по которому законодателю оказывается дозволенным провозглашать данный закон нормой» [7, с. 9]. Утверждение «это золото фальшивое» звучит как приговор. Но кем и где установлено, что у металла с этим именем должны быть именно такие признаки? «Этот президент подлинный потому, что он делает то-то, и не делает того-то». И хотя теперь данное утверждение звучит как милость, откуда следует, что истинный президент *должен* делать именно *это* (а если следует, то по какому *праву*)? Гитлер или Вашингтон, Сталин или Черчилль, Буш или Хусейн – истинные глава государства? Кто рассудит?

Здесь бесполезно ждать от истины применения ответов на эти вопросы о принципах легитимации внутри сферы ее действия. Дело в том, что у нее всегда есть возможность скрыться за достоверностью *другой* истины. Наткнувшись на эти вопросы, истина применения резко меняет направленность («к вещам») и начинает движение «к словам». Этот *зигзаг* истины уводит исследование от проблемы подлинности вещей к проблеме правильности предложений.

Перипетия вторая. Предложение. Опросу на подлинность (истинность и действительность) подлежит все сущее, окружающее нас: вещи, вещества и существа. И не только. К несущей легкости наших собственных *высказываний*, которые мы составляем по поводу этого окружья, мы тоже требовательно обращаем вопрос: верны ли они? правдивы? правильны?

Уже выше, в истине применения, то и дело прорывался вопрос об истине, но вовсе не вещей. Настойчиво заявляла о себе проблема правомочности самих высказываний *об* этом сущем. Когда же относительно *только* слов, а *не* сущего, только мыслей, а не реальности, задействуется вопрос о высшей ценности, траектория истины применения совершает неожиданное движение, даже не в сторону, а назад, и становится истиной «предложения».

Связь слов, называемая высказыванием, в котором имеет место *adaequatio*, может быть определена в качестве «правильного». Предложение же, в котором нарушается единство смысла и тождественность значения, должно быть, наоборот, определено как *неправильное*. Следует учесть еще одно: правильность и правдивость в речи звучат похоже. Но их нужно различать. В правильности не обязательно выходить за истину слов, в то время как в вопросе о правдивости этого не избежать. Можно выражать свои мысли в форме совершенно правильных предложений (даже умозаключений) и при этом либо говорить простодушную неправду, либо бесстыдно лгать.

Действительно⁸, когда встречаются высказывания «Луна умножает четырехугольно» или «светофор радуется кисло», то негодуяще отворачиваются. *Так говорить нельзя! Почему?* «Потому, отвечает непосредственная основательность, что луна светит, калькулятор умножает, а площадь раскинулась четырехугольно».

Значит, утверждать, что «Луна умножает» – неправильно; *неверно*, так как в нем сочетается то, что сочетаться не может. Понятия, принадлежащие разным десигнатам, своевольно объединяются нашей способностью суждения, а *должны* следовать правилам. Каким? Кто укажет истоки этого (теперь лингвистического) долженствования?

Может быть, делу поможет практика истины применения? И в первом случае (неправильного предложения: «Луна умножает»), и во втором (правильного: «Луна светит») субъектом-существительным выступило слово «Луна». Но, увы, здесь подобные ожидания тщетны – в истине предложения данный субъект равно индифферентен как к подлинности, так и к фальшивости.

Значит, невзирая на «подлинность» Луны или светофора и не принимая во внимание соответствие этих высказываний действительности, *все равно* следует указание на неадекватность их правилам предложения. Из-за несоответствия этим правилам они по ценности почти то же самое, что и фальшивый бриллиант. Их существование не вызывает никакого доверия, в то время как выражения «луна светит отраженным светом» или «луна – спутник влюбленных» в том или ином контексте может быть рассмотрено и принято к сведению.

Есть правила для определения рода, а есть и для вида. Разделить, например, животных на «а) принадлежащих императору ... г) молочных поросят ... з) включенных в настоящую классификацию, и) буйствующих, как в безумии ... р) только что разбивших кувшин, о) издали кажущихся мухами»⁹ – значит нанести удар по подлинности деления на виды. Так же, как каким-то непонятным образом вещи в мире *должны* соответствовать своим идеальным образцам (основание истины применения), слова, слагаясь в предложения и суждения, почему-то *обязаны* соответствовать определенным законам речи.

Вот эта недосказанность рано или поздно затемняет безоблачность линии горизонта истины предложения, которая изо всех сил стремится к **правильности** (так же как предшествующая – к действительности). Дело в том, что даже в случае «умножающей Луны» или «абсурдной» классификации животных *неоднозначна* неправильность, неверность и неточность этих высказываний. Что если речь идет о вычислительной машине под *именем* «Луна» или классификации с переменным показателем отношения? Да, и вообще (предыдущее неминуемо ведет к этому выводу), все дело в *значении*, которое вкладывается в то или иное предложение, связанное с тем или иным десигнатом.

Более того, если оказать такое же внимание языку, какое было оказано ранее вещам, то выясняется, что он ведет совершенно самостоятельное существование. Он,

⁸ Впрочем, *здесь* квантор «действительность» превышает полномочия истины предложения и находится в компетенции совершенно другой истины.

⁹ гротескная цитата Х. Борхеса из «некоей китайской энциклопедии». Цит. по [8, с. 75].

формируя для себя правила, позволяет *смыслу* вести образ жизни *игры*. То есть здесь следуют правилам не потому, что им не могут не следовать, а наоборот, потому, что их можно нарушить. Свобода – основание языковой игры; именно она заставляет одни «великие рассказы» одних исторических народов сменяться другими.

Таким образом, и здесь возникает вопрос о легитимации правил языка и логики. Говорят, что в предложениях «Луна умножает» или «Цезарь есть простое число», произошла ошибка логического синтаксиса под названием «путаница сфер» [6]. Но кто, когда, и самое главное, по какому праву «начертал» каждому понятию свою сферу существования? На примере рождения исторических языков вопрос звучит так: кто или что уполномочивает пророков, поэтов и философов закладывать одни смыслы в языковые выражения и отвергать другие?

Эти вопросы тоже меняют движение истины предложения. Отвернуться от них она не может по той причине, что она *тоже* претендует на всеобщность. И этот, второй *зигзаг*, не просто возвращает эту истину в горизонт применения, а побуждает ее к новым структурным перестановкам.

Перипетия третья. Проверка. Это, третье по счету, «рокадное»¹⁰ движение истины самое «странное». Сначала, в истине применения, она курсировала от объектов окружающего мира к объектам высшего порядка (впрочем, *этого же* мира). Затем, в истине предложения, она поселилась в междусловье, в невыносимой легкости человеческих высказываний – царстве субъективности. Но у нее осталась еще возможность попробовать разместиться в пространстве «между» вещами и словами, бытием и мышлением, объективным и субъективным.

«Странной» реализация этой возможности является потому, что здесь неожиданно объявляется имеющим ценность то, что ранее было обесценено. А именно, в случае сомнения в верности и правдивости *мыслей*, воплощенных в слова, в недрах этой истины вдруг принимается решение о поиске опоры для них (мыслей) в сравнении с *вещами*. Причем в сравнении с вещами из *той*, надломленной в себе реальности, которая раньше сама должна была удостоверить свою подлинность приравнением с вещами «на все сто». Как раз эту реабилитацию реальности имеет в виду уже Аристотель, а Фома Аквинский подчеркивает: «ибо речь называется ложной или истинной на основании того, есть вещь или не есть. В самом деле, когда мы говорим, что нечто есть, мы обозначаем, что высказывание истинно, а когда мы говорим, что нечто не есть, мы обозначаем, что оно ложно» [11, с. 203].

Но почему разбитая надвое реальность, одна часть которой имеет свою действительность не в себе, а в другом (образце, идее), *недостоверная* сама по себе действительность, становится вдруг мерой истины (или неистины) речи? Что стоит за этим сначала неожиданным унижением и последующим, еще более неожиданным, возвеличиванием мирности мира? Посмотрим, разве *иное* имеется в виду, когда, например, спрашивают: «сейчас – утро?», или «это – монета?».

Перед нами вопросы, могущие быть проясненными только в свете классического определения истины как соответствия мысли и бытия, субъективного и объективного, слова и вещи, высказывания и предмета. Данную дефиницию можно найти в любом

¹⁰ Движение, параллельное линии фронта истин применения и предложения.

словаре. Выслушаем ответы на поставленные выше вопросы; они-то приведут нас к парадоксальной сущности этой истины.

Пусть на первый дается простой и утвердительный ответ: «Да, сейчас – утро. Светает». В нем, как и в любом другом подобном высказывании, содержится одновременно и истина применения (в смысле «утро – настоящее»), и истина предложения (высказывание вполне правильно). Но претендует он на другую истину. Здесь самые непримиримые в отношении друг друга «вещи», мышление и бытие, должны совпасть, вернее – согласоваться. Однако чтобы это произошло, чтобы голос ума и голос вещи звучали в унисон, необходимо какое-то опосредование. Таковым выступает истина «проверки».

По видимому, нет ничего проще, чтобы проверить высказывание на *adaequatio*, на соответствие тому, что есть в реальности. Стопроцентный материализм реально мыслящего здравого смысла держит равнение только на достоверность органов чувств. Его можно понять: действительно, не доверять же дело проверки мысли, точнее, *следствие* по поводу нее, самой же мысли! Поэтому-то он на этот вопрос: откуда следует, что «сейчас – утро»? – с детской непосредственностью посоветует: «Посмотрите в окно или на часы, и *все (!)*». С утверждением: «Это – монета; она – круглая», дело обстоит в точности так же. Более того, здесь, взяв под наблюдение указанный предмет, можно еще и *расширить* знание об его истине. А это значит, что его можно не только рассмотреть, но и взять в руки. И даже узнать еще нечто новое: то, что он шероховатый, прохладный и т.д.

Но, на самом деле, в подобных утверждениях и их проверке таится фундаментальное онтологическое (если угодно, то и гносеологическое, юридическое и даже теологическое) противоречие, делающее, по всей видимости, невозможной всякую истину!

Присмотримся ближе к этим кажущимся элементарными высказываниями. «Утро» – это одно. Оно включает в себя: белый свет, щебетанье птиц и т.д. *Утверждение* же: «сейчас – утро», – это другое. Оно вообще без звуков, без цветов... «Монета» – это вещь. Вот она: «блестящая, шероховатая, прохладная...». Слова же: «блеск», «шероховатость», «прохлада» – это *совсем* другое. Они ничем не похожи на нее; выражение же: «это монета, она круглая», тем более. Мысли же, стоящие за ними, вообще не имеют ничего общего с так называемой «реальностью».

Иными словами, если ранее, в поисках подлинной реальности или правильных предложений, подведение особенного под всеобщее хотя и проводилось в *одной и той же* сфере (сначала в объективного, затем – субъективного), то здесь подлечит сравнению то, что не имеет в принципе *ничего* общего. Да и что может быть подобного между сказанными, или записанными словами (обозначающими, к примеру, солнце, радость, ангела и т.д.), и *самими* предметами, который они обозначают? Между тем, тысячи слов, ежеминутно выговариваемых живущими на Земле людьми, претендуют на строжайшее соответствие действительности, а значит – на *правдивость*.

Кроме того, установка на правду в качестве цели для этой истины сопровождается крайностями. Если познание соответствует вещи, то *так*

выступающая правда называется *аутентичностью*. То есть, здесь истина имеет характер «*veritas est adaequatio intellectus ad rem*» – истина есть приравнение познания к вещи. Если же наоборот: вещь подстраивается под познание, то она выступает как *одобрение*. В этом случае ее формула: *veritas est adaequatio rei ad intellectum* – истина есть приравнение вещи к познанию. Это – правда как *правова*. Таким образом, замена соединительного союза «*et*» на подчинительный «*ad*» придает нейтральной истине как правде теоретический (созерцательный) и практический (преобразующий) оттенки.

Каждый из этих двух аспектов истины проверки: правда как аутентичность и правда как *правова* – сталкиваются в самих себе с проблемой возможности согласования противоположностей. Но как может ум синхронизировать свою деятельность с вещью в *теории*, если у них нет ничего общего? И почему вещи должны удовлетворять желанием ума в *практике*, если у них по определению нет и быть не может никакой точки соприкосновения?

Откуда берет истина применения «вещи на все сто»¹¹, а истина предложения – правила языка, согласно которым *нельзя* приписать луне предикат умножения? И почему истина вещей вдруг делает странный зигзаг в истину слов, а та, наоборот – в истину вещей?

Неужели рассмотренные перипетии истины: применения, предложения и проверки, есть в действительности *история* истины? Но разве может это «суперпонятие» иметь множественное число? Разве может истина иметь в себе свою противоположность – неистину, и, тем более – историю?

Наконец, как узнать, что *само* наше вскрытие различных смыслов истины было подлинным, точным и правдивым, то есть – *истинным*? Если же, в случае положительного ответа, данное рассмотрение имеет таки какое-то отношение к истине, то к *какой* именно: применения, предложения или проверки? Здесь вопрос об истине настигает нас самих.

Вернее, он *всегда* настигает спрашивающего о нем. В этом – необычайность вопроса об истине. Любое другое вопрошание оставляет автора за пределами действия, это же, как только он в нем окажется, немедленно выводит его из тени¹². Выводить то выводит, но тут же загоняет его в тупик объяснения «*idem per idem*». Получается, что истину нужно знать *до* истины. В самом деле, все указанные выше смыслы истины (действительность, правильность и правда) или намеченные в других исследованиях (теологический, юридический, онтологический и гносеологический), в свою очередь, *предполагают* свой принцип раскрытия. Над всеми этими смыслами как дамоклов меч занесен вопрос: с точки зрения какой истины исследовалась та или иная истина и выносилось скоропалительное заключение по поводу нее?

Вышеизложенный опыт частью негативен. Его задачей было обозначить *перипетии*, происходящие с истиной и подготовить почву для возникновения

¹¹ В зороастризме есть предание о небесной стране Ахура-Мазды, где внутри Священной Горы хранятся образцы всего, что было создано творцом на Земле.

¹² В этой смысле слово «истина» при проговаривании обладает властной *магией* вызывать на «ковер» ответственности всякого, кто запрашивает его.

следующего вопроса. Скептик, сталкиваясь с проблемами (а их десятки) горизонта «слова – соответствие – вещь», берет за основание отдельно взятый эпизод. Исходя из этой абстракции, он сразу делает вывод о невозможности познания истины как таковой. Но факт *естественного* вторжения истины правды (горизонт проверки) в истину двух предшествующих горизонтов (применения и предложения) в форме проблемы легитимации и их ответная реакция на него указывают на взаимную *встроенность* всех трех истин.

Так на первый план выходит вопрос о сущности самого этого вторжения. То есть теперь самое время спросить не о перипетиях истины, а об *истине* перипетии. Скорее всего, в хаосе метаний взад-вперед, в зигзагообразных движениях истины проходит какой-то необходимый процесс структурных преобразований. И если столь популярные сейчас понятия «Запад», «История» и «Сознание» сущностно связаны с положением «*veritas est adaequatio rei et intellectus*», то раскрытие перипетий истины (и далее – истины перипетии) может стать необходимым шагом вперед в понимании истины истории сознания Запада.

Впервые ребенок фиксирует изменчивый калейдоскоп окружающего мира скрепой «хорошо – плохо». Уже в ней в сублимированном виде содержатся все более поздние захваты: «добро – зло» и «право – преступление». Это – генетический ряд вызревающих последовательно друг за другом ступеней сознания истины. Но в самое крепкое объятие попадает мир, когда человек охватывает его тройным, теперь уже *горизонтальным*, обручем сознания истины: «подлинное (всамделишное) – поддельное (невсамделишное)», «правильное – неправильное», «правдивое – ложное». Здесь первые две истины, когда им становится душно в опросе по легитимации собственных оснований, указывают на третью. Может ли истина проверки снять проблемы истин применения и предложения?

Ничего подобного! Вместо того чтобы попытаться хоть как-то сгладить противоречие *подведения* особенного под всеобщее в объективном или субъективном (вопрос о подлинности или правильности), истина как правда переводит эту проблему, по-видимому, в плоскость нерешаемости вообще. Подумать только, две, не имеющих *ничего* общего, самостоятельных субстанции – слова и вещи, бытие и мышление – в истине как правде должны объясниться во взаимной привязанности! Почему все усилия созревания противоположностей приводят к столь губительной постановке вопроса? Или ..., все же, прав Парменид: мыслить и быть – суть одно и то же?! Именно на этот просвет указывает в 1802 году Гельдерин: «*Nah ist und schwer zu fassen der Gott. Wo aber Gefahr ist, wächst das Rettende auch...*» («Близок и труден для понимания Бог. Но где опасность, там вырастает и спасительное»)» [15. S. 242]. Значит, настало время перестать рассматривать *отдельно* перипетии объективной и субъективной истин, а поставить вопрос об истине самой *перипетии*.

Сформулируем выводы: в зависимости от *medius terminus* (среднего термина) в каждом горизонте истины возникают три различных смысловых оттенка: истина как действительность, истина как правильность и истина как правда. Двигаясь от онтологии к лингвистике и далее соединяя эти края в классической формулировке,

истина, с одной стороны, обостряет противоречие в своем содержании, с другой же – сама создает возможность для его продуктивного разрешения.

Литература:

1. *Библия*. – М.: Российское Библейское Общество, 2000, – 300 с.
2. *Василий Великий*. Творения. – М, 1846. – Ч. 3. – 271 с.
3. *Даль В.* Толковый словарь. – М.: "Цитадель", 1998.
4. *Декарт Р.* Первоначала философии // Сочинения. – М.: «Мысль», 1989, – 654 с.
5. *Кант И.* Критика чистого разума. – С.-Петербург: ИКА «ТАЙМ-АУТ», 1993. – 472 с.
6. *Карнап Р.* Преодоление метафизики логическим анализом языка // Вестник МГУ, сер. 7 «Философия», № 6, 1993.
7. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. – М.: "АЛЕТЕЙЯ", Санкт-Петербург, 1998. – 63 с.
8. *Титов В.Д.* Логическое знание в его социально-исторической детерминации. – Х.: «Регион-информ», 2004, – 259 с.
9. *Словарь русского языка в 4-х тт.* – Т. 3. – М.: Русский язык, 1984. – 749 с.
10. *Флоренский П.* Столп и утверждение истины. – М.: Правда, 1990. – 487 с.
11. *Фома Аквинский*. Комментарий к «Метафизике» // Сочинения. – М.: УРСС., 2002. – 229 с.
12. *Фома Аквинский* Сумма теологии. Ч. 1. – К: Эльга., – М.: Элькор-МК., 2002. – 560 с.
13. *Хайдеггер М.* Вещь // Время и бытие. – М.: «Республика», 1993. – 445 с.
14. *Хайдеггер М.* О сущности истины // Разговор на проселочной дороге. – М.: Высшая школа, 1991. – 190 с.
15. *Holderlins Werke*. In zwei banden. Erste band. – Aufbau-Verlag Berlin und Weimar. 1989. – 313 s.
16. *Nietzsche F.* Werke XI, S. 268.